

Роман Смирнов
В городе

СТИХИ

Роман Смирнов

В городе

Стихи

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-1
ББК 84-5
С50

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Смирнов Роман

С50 В городе : Стихи / Роман Смирнов. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 72 с.
ISBN 978-5-4493-1402-4

О чём может быть книга стихов с таким названием? О том, что известно и близко каждому. О человеке современном. О нас. Сейчас. Надеюсь мне удалось донести всё, что задумывалось, пусть и не всегда ожидаемым и привычным языком, всё-таки это стихи, а не проза. Приятного узнавания.
я.

УДК 82-1
ББК 84-5

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4493-1402-4

© Роман Смирнов, 2019

Город февраля

«Мальчик с футляром»

1

Мир во всех его проявлениях никогда не стоит на месте — это величина постоянная, но многомерная и развивающаяся; мир «крутится, вертится, гуглится» и заставляет нас каждодневно меняться вместе с ним. Однако при этом самое важное — осознавать, что вечное, связующее все эпохи и цивилизации, никуда не девается. Оно так же живет среди нас, периодически напоминая о своём существовании.

Эта непреложная истина очень хорошо известна автору данной книги Роману Смирнову. Его поэзия, точнее, его особая Вселенная, безграничная, дышащая, непрерывно растущая, открывается читателю не сразу. Да и не каждый читатель способен с первого прочтения угадать то великое, настоящее, что скрыто в казалось бы незатейливых поэтических строках.

Но если вы всё же услышали голос этой Вселенной, то в дальнейшем уже не сможете противиться этому зову: она будет говорить с вами на присущем только ей одной языке, она будет приглашать вас к непрерывному диалогу, к новым открытиям и мирам. И ваша жизнь — точнее, то, что вы привыкли под этим подразумевать — возможно, навсегда изменится.

Роман Смирнов — поэт ищущий. А смысл поиска в том, чтобы найти ту самую, единственно верную интонацию, которая станет интересной современному читателю. И не только потому, что в ней он угадывает столь близкие ему реалии жизни, а прежде всего из-за того неизмеримо вечного, значимого, существенного, которое просто умело прячется под привычными личинами.

Поэзия Романа Смирнова — это голос многовековой культуры, говорящий с нами языком современности. В этом огромная заслуга автора, фактически сумевшего создать формулу универсального творчества — совместить современное мифологическое пространство с выдающимися достижениями прошлых

эпох.

2

Школа этого удивительного автора простирается от золотого века, наследия Пушкина и Лермонтова, до современности с её лучшими именами: Бродский, Рыжий, Гандлевский, Зеленцов, Кудимова.

*«Шальной февральский город,
я тоже – дуралей.
Вечернего кагору
себе и мне налей».*

Разве не также – интимно, недистанционно, доверительно – обращались к своему городу Блок, Мандельштам, Бродский?

Роман Смирнов – поэт обучающийся. Везде, всему и всегда. Всё, что окружает его в современном мире, он с радостью и нетерпением пытливого ума берёт на заметку – ничего и никогда не упускает, и всегда открыт миру и своему читателю.

*...так выходи из дома. Запоминай детали.
Ты не один такой. Все мы сыны Дедала.*

Вот о чём, вступая в полемику с Бродским, говорит нам Роман Смирнов – наблюдатель и мечтатель, реалист и мистик.

И чего только не намешано в его стихах: лёгкая ностальгия о несбыточном, здоровая ирония и самоирония, поэтическое хулиганство в самом что ни на есть высоком понимании этого слова. То самое хулиганство, которое проистекает исключительно от свободного владения художественной материей, которая редко кому бывает так подвластна.

Откуда же это невероятное сочетание безмерности и меры? Сам Роман утверждает, что «корабль культуры должен быть собран из крепких досок классики, наследия». Может быть, в этом ключ к разгадке?

Будучи представителем постмодерна с характерным для него стремлением к созданию игрового пространства художе-

ственного произведения, к цитатности, интертекстуальности и многочисленным аллюзиям, Роман Смирнов сохраняет верность традициям изящной поэзии, чистой и незамутнённой при-
месями уродливых современных реалий.

3

А главное его умение, на мой взгляд, заключается в том, что он, вопреки нынешним новомодным традициям, не стал «шаманом», поющим и играющим только для самого себя, обращённым исключительно внутрь себя.

Он с огромным уважением относится к своему читателю, он непрерывно вступает с ним в диалог, как бы приглашает к беседе — долгой и невероятно увлекательной. Это поэт, который хочет быть услышанным и испытывает жгучую потребность говорить с миром — с городом, с лавочкой в сквере, с проходящей мимо девочкой, с ветром и солнцем. Одним словом, он несёт своё золотое Слово в мир, а не эгоистично откладывает его в свои личные закрома. И в этом-то то и заключается дань великой традиции русской поэзии. Автор должен что-то нести в мир — преобразовывать его по законам Красоты.

Будьте осторожны с этой книгой — перед вами не просто сухие буквы или фразы. Это живая материя, преобразованная и подаренная людям душа истинного ПОЭТА. Она хрупка и ранима, но в то же время она сильна и не боится упасть в Бездну, потому что знает заранее: не разобьётся, а взлетит ещё выше — к тем высотам, которые безусловно покорятся безграничному обаянию автора.

*Мир крутится, вертится, гуглится,
и прячутся в «лайки» эмоции,
но... мальчик идёт по улице.
Мальчик будущий Моцарт.
Он тащит футляр, он топает,
засматриваясь на вывески.
Идёт, повторяя «Во поле...»;*

высокие ноты и низкие.

Автор, написавший эти строки, возможно, даже и не догадывается, что написал он их о самом себе. Он и есть — тот самый «мальчик с футляром», который идёт по улице, являя собой ту самую универсальную точку отсчёта, с которой начинается всё по-настоящему важное в жизни человечества.

Он идёт — а значит, земля продолжает вертеться, а вместе с ней вертится множество галактик и планет, приближающих нас к свету истины.

Член Московской городской организации Союза писателей России, член клуба Центрального Дома Литераторов, лауреат и дипломант российских и международных поэтических конкурсов

Елена Севрюгина

Город февраля

Шальной февральский город,
я тоже — дуралей.
Вечернего кагору
себе и мне налей.
Взгляни в глаза по-братски.
Возьми за локоток.
Хочу стихами Барских,
а выйдет поздний Блок.
Ах, город-городишко,
веди сюда врача,
излечивать одышку
бутылкой первача.
А впрочем, много ль надо
целительной воды —
вдоль парковой ограды
до дома проводи.

Обнимемся, мой друже!
Что виснешь на дверях?
И мне немного душно
в последних феврялях,
и я словами вспорот,
и речь, что в лодке течь.
Прощай, февральский город.
А хочется — до встреч...

ФЕВРАЛЬ. ДНЁМ

День лежал, читая дольки
про февраль и всё такое.
Кот дремал на подоконнике,
меж геранью и алоэ.

Чаем чёрным пахло в комнате,
мёд в стакане растворялся.
Стих черствел, нуждаясь в «комменте»,
очевидный и напрасный.

За окном, с библейской радостью,
снег валил не уставая.
Я поглядывал на градусник
да на уровень вай-фая.

И зимы дыхание ровное
изгибалось у порога.
Время шло тихонько в оное,
оборачиваясь строго.

ГЛУШЬ

Суд небесный покамест «гуманн».
Исповедан? Иди и греши.
Первый снег и последний туман
не событие в нашей глуши.

Здесь собранием полным дома
в тесноте и обиде стоят.
Не читай этих полок тома.
В них конец и начало на «я».

В доме первом мужик и вискарь,
по столу кулаком, всё старо...
В доме два обитает сыскарь.
В каждом первом и каждом втором.

И так далее, и ...ну и пусть.
Где б молился о чём, и о ком?
Я вернусь в эту глушь, я вернусь
правду пить и давиться глотком.

ПРИГОТОВИШЬ ЧЕРНИЛА ПЛАКАТЬ...

Приготовишь чернила плакать;
Понесёшь – невтерпёж – прольёшь.
Кто-то будущий скажет: «Ах, как!»
Кто-то нынешний фыркнет: «Ложь»

Оботрут рукавами клерки,
типографский оставив след.
До смешного – как это мелко
по сравнению с вёрсткой лет!

Оттого и века смешались.
Потому и февраль не враль,
выбирая, верша, решая
кто великий – кого не жаль.

ЗИМНИЕ СНЫ

Всё те же сны, не в масть пиковые.

Ответчицею — зима.

И как ты их не истолковывай,

и в раковину не смывай,

уже убежище альковное

душевное, под закрома,

теснит излишки дневниковые

затянутого письма.

И снова ночь, и сны пиковые,

но в краешке чужого сна,

висит счастливою подковою,

ответившая зима.

ЗИМНЕЕ ОКНО

Гляжу в окно и — ничего.
Вернее, там одно и то же:
несёт соседка птичий корм,
следит за этим пара кошек...

Типичный день, типичный двор.
Качели, мусорка, машины.
Куда бы мой не ткнулся взор,
там всё измерено «аршином».

Из года в год всё тот же сюр
в окне, за окнами, из окон:
то Чарли Чаплина прищур,
то страшный вымысел Хичкока.

И дело, в общем, не в хандре:
всегда есть выход, хоть за угол;
сказать с улыбкою: «Харэ»,
припомнив давний номер друга.

Зимой так заведено —
в субботний полдник, после чая,
смотреть задумчиво в окно,
в нём ничего не замечая.

ЭТО КТО-ТО ГОВОРИЛ

Неуёмная тревога

шьёт на сердце кружева

кропотливою иглой:

внутри — стежок, наружу — два.

Сердце, вышивка... Не бред ли?

Пальцецо с крюка сниму,

вдону пуговицы в петли,

выйду в зиму, нет — в зиму —

и пойду один сурово,

как по миру Гавриил.

«Холодок бежит за ворот».

Это кто-то говорил...

В СКВЕРЕ

Вот сядешь на скамейку, вот поймёшь,

без друга, без наставника, без стопки,

куда тебя несёт, ядрёна вошь,

а скоро вовсе вынесет за скобки.

Посмотришь в небо – кругом голова!

Заглянешь в душу – заболит в затылке.

Не зря мирок навскидку угловат.

А мир вокруг и впрямь всегда великий.

Да – истина, да – школьная, да – штамп.

Сидишь как Достоевский в книге сквера,

периферийным воздухом дыша,

И убеждаясь – не таким уж скверным...

ДО ВЕСНЫ РУКОЙ ПОДАТЬ...

До весны рукой подать.
Потекли зимы холсты.
Может нищему подать
две монеты доброты?

Может выпить с кем полста
за здоровье двух отчизн?
Три недели до поста.
Разошёлся альтруизм.

Засвербело, заскребло
предвкушение весны,
нестерпимо, под ребром
левым пятым и... черт с ним!

До весны достать рукой,
как до тумблера у бра.
Раньше думалось: «на кой?»
А сейчас: «давно пора!»

ПЕРВАЯ ДЕКАДА

Ах ты ж, ночные «плюс один»,
но март, но первая декада!
Окно — открытием Декарта.
Картезианствуем сидим.

Разлив по рюмкам дуализм,
мой друг-крестьянин торжествует:
я мыслю; он, де, — существует.
Чей здоровее эпикриз?

Рефреном — раннее тепло,
так необычно, сразу, фоном,
а Фет ещё не отфильтрован,
и шершень вдребезги в стекло

ещё не... Где уж там жуку.
Как хорошо-то, право Боже!
Мой друг столовствующий: «Больше!
Чтоб не обидно мужику!»

Так и положено, к весне
прийти, дождаться еле-еле.
Достать запас заиндевелый,
который с прошлого весь не...

ВЕСНА ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛЕГКА

Весна по-прежнему легка,
как было испокон.
Пусти «мещанство» с молотка.
Отвесь ему поклон.
Смени на кеды сапоги
и кепочку надень,
и вновь до осени сбегу —
не то чтобы на день.
Пускай почувствует рука,
оценит вечный вес,
что жизнь и в этот раз хрупка,
как майский воздух весь,
а значит подлинность во всём:
во зле и доброте,
и снова ты весной спасён —
Варавва на кресте.
Иди. Чиста твоя душа.
Теперь, куда б ни шёл,
неси её, как малыша,
завёрнутого в шёлк.

ЗАВТРА

«Завтра будет морозно»
мне Беляев сказал.
Словно магии Оза
не поверю, а сам
гляну в Яндекс-погода –
возрастное, видать.
«Это ранняя кода».
Записать бы в тетрадь.
Завтра будет стеклянный
и хрустящий асфальт.
Дворник после кальянной
вновь затынет насвайт,
и послав Магомеду
рассудительный взор,
он разделит на мета
и на физику двор...
Это завтра, всё завтра,
а сегодня дожди.
Где-то искренний автор
их рифмует с «дождись»,
улыбаясь находке,
умиляясь до слёз.
Мне же хочется водки.
Завтра будет мороз.

АПРЕЛЬ В ГОРОДКЕ

Утром выйдешь — небо глянцево,
быстро тает царь-гора...
Доживёшь до навигации,
пустишь щепочку-корабль.

Улыбнёшься: штучки детские.
Что ж так долго-то, апрель?
И спросить как будто не с кого,
ни в прошедшем, ни теперь.

Город славный, город маленький.
Смесь находок и утрат.
Сносят всё, не сносят сталинки...
Речка, храм, туман с утра.

Духом русским тянет с булочной,
магазинчики, ТЦ,
перекрёстки, переулочки,
и окраины, и центр...

Всё такое не рекламное,
всё сермяжное, своё
как на старом фото мамином,
где она с отцом вдвоём...

Но когда кольнёт булабочкой
в сердце старость или сплин,
ходишь в парк, сидеть на лавочке.
Лавки помнят вздохи спин.

А потом, обратно топя,
встретив друга, передашь:
«Третья лавочка у тополя —
удивительный пейзаж».

ЖДАННАЯ

И вдруг пришла. Не совестно?
Смеешься. Гасишь злость.
А как ждалось — бессонницей,
бесстишием ждалось!

Не звук воды, не трель ещё
ночного соловья...
Что ластишься, апрелишься:
«Я вся твоя, я вся...»?

И что с того? Прошла уже,
с прикормом в рукаве,
по Клязьме и по Яузе,
и по реке Москве...

Меня — свинцом ли, оловом —
в наставшей кутерьме,
всё чаще тянет волово,
к моей зиме-тюрьме,

прошедшей, подневольничьей,
там, где и звал, и ждал,
и выл почти по-волчьи я,
из тёмного угла.

А ты пришла, и что теперь?
Хмельны твои дела.
Смотрю без чувств на оттепель.
Она уже была...

РОЖДЕНИЕ...

Вы думаете дело не в стихах,
вы думаете это не от слова,
когда смущён, как будто поцелован,
и возбуждён от собственного «Ах»?
Кренит маршрутку номер 32
на повороте каждом — снова, снова —
а ты стоишь, в руках твоих айфон и
тебя качают новые слова:
«Я обнял эти плечи и взглянул
на то, что оказалось за спиною...»,
«.....»,
.....»,
и стала жизнь немедленно иною...
И ты в плену...

ПРОСТО НОВЫЙ ИЮНЬ

Девять месяцев лажи.

Паранойя и шизь.

Можно было б и дальше

суесловить про жизнь,

про циклон и нехватку

солнца, денег, ума,

про бетонную «хатку»

(даром, что не тюрьма)

в типовом, на четвёртом,

в три окна — так у всех...

Можно, но отчего-то

прорывается смех,

не вполне очевидный,

нездоровый совсем:

Хватит ныть! Не завидуй

бардам радужных тем.

А и правда, да что я

словно клюква раскис.

Полон «ящик почтовый».

Всё друзья — сверху вниз.

Им, стоящим бок о бок,

отправлять мне не лень,

вязь улыбчивых скобок,

восклицалок плетень.

Так чего ж я судачу

про тюрьму и суму?

Вот поеду на дачу,

и собаку возьму,

и начну без помарки

этот новый июнь,

как на той аватарке,

где удачлив и юн.

УТРО

Сегодня утром солнце не смогло
ни удивить, ни вытащить за шкуру
засевший между бронхами глагол,
а раньше шёл с утра, как под копирку.
Сегодня щебень, чтоб его, проблем
доставлен был из нового карьера.
Хороший груз: сыпуч, местами бел,
как пятна сизые похеренной карьеры
соседа Вовки — тоже мне, сокол!
Не воробей, и даже не соколик,
но как высок и мудр его глагол,
под редактурой выпитых настоек.
Сегодня старт, намеченный вчера
на шесть утра окончился фальстартом.
Зима бела? Нет, нет, зима черна.
Спроси о том у дворника Марата...
Сегодня всё пошло не по пути,
и не взлетело птицами Шагала,
и не застыло стрелкой без пяти,
не удивило, и не испугало.
Сегодня я разъят на корабли,
на Александра, на Улисса, на Атиллу;
всё потому, моя enfant terrible,
что ты ещё меня не разбудила.

ПО ВАВИЛОНУ

Приедешь. Ступишь на перрон.
В толпу шагнёшь и сузишь плечи.
«Москва, такой же Вавилон» —
необязательно о речи.
И понесёт, и поведёт,
затормозит у турникета
и это вновь произойдёт,
как первый раз в деревне летом.
Потом захочешь покурить.
Смотреть с крылечка у кофейни
на ход людского попури,
на буриме народной фени.
Вокзал, с волнением едока,
в одно замешивая лица —
бомжа, студента, старика,
вора, так далее — боится
не разжевать. Густа еда.
Куском ползёт по переходам.
А поезда... Что поезда?
Выносят граждан на свободу.
Идёшь, не видя старины.
На стены выкладки старинной
нельзя взглянуть со стороны,
как в отражение витрины.
И эти призраки внутри
гостеприимно-терпеливы.

В Москву приедешь, посмотри —
они последней встречей живы.

ЧЕЛОВЕК НА ЛАВКЕ В ПАРКЕ

Сидишь один на лавке парковой,
бухой, больной, ещё не раковый,
пустым стеклом в пакете брякая,
и куришь, думая о том,

что дни летят, как письма Постуму,
что смерть заходит в гости просто и
что выпить с другом надо по сто бы —
зажечь свечу перед крестом.

Не трудно спутать жалость с завистью,
когда отмечен сроком давности.
Сидишь на лавке в парке в августе.
Дай Бог вот так и в сентябре,

вести бесцельное сидение,
следить за сменой поколения,
и в каждом встречном видеть гения,
как все сто лет назад в тебе.

СОСЕД

«...был профиль — и гордость и слава,
и волосы — львиная грива,
а ныне хоть слева, хоть справа,
плешивенько как-то и криво...

Был гоно́р и лёгкая поступь,
и сме́лость — звенящая шпага,
а ныне встречаю вопросом
рожде́ние каждого шага.

Был знаком отличия юмор,
и кредо по жизни, как знамя!
Был друг закадычный, но умер.
Случается это с друзьями...

Да много чего уже было,
как мало чего ещё будет.
Уплыл мой кораблик до Рио,
под парусом белым как пудель...»

Так слушал соседа я Вовку,
и плакал он сквозь глаукому.
Добавил ему я на водку.
А как отказать? No comment...

СУТКИ ДОЖДЬ

Сутки дождь. Меня спасает Kenny G —
неизменное лекарство от хандры.
Безтальковы эти летние дожди.
Я налью, пожалуй, харамамбуры.

Пропущу, поймаю, лягу, как вратарь.
Мне приснится дождь и зонт над стариком.
Ах, Арсений, раньше срока не ротарь.
Не тарковский нынче случай, не таков.

Веды-ветры, суеветры, ну зачем,
вы нагнали снова тучи, снова страх?
Я боюсь, что и меня, погнав взашей,
уведёте и оставите в горах...

Я очнусь, увижу — дождь не перестал
издеваться, но в прореху виден свет.
Ихтиандрова хандра. Печаль проста —
есть вода, но почему-то жизни нет.

БЬЮТ ЧАСЫ

«Бьют часы, возвестившие осень».
Вот и я разобью об косяк
дорогие наручные, после
заводного сиденья в гостях
у старинного друга-погодка.
В час, когда начинается рань
я уйду, проворчав: «Ну, погодка.
Дождь ещё зарядил. В общем – дрянь!»
Мимо готики мокрых деревьев,
вдоль гравюрности ржавых машин
побреду, матерясь, матеряя,
добавляя ботинкам морщин.
Пусть фигура моя покоробит
неуместностью со стороны –
нет, не выпита жизнь и не пропит
заготовленный ящик вина.

Я дойду до себя и до дома,
до двери, за которой зима,
потянувшись к пространству пустому
успокоит, проста и земна.

ВСЁ ИМЕННО ТАК КАК ХОТЕЛОСЬ

всё именно так как хотелось
о чём и не думал шекспир
то время чернее отелло
то слава безумней чем лир

ты видишь убитые буквы
валяются без похорон
летят перелётные буки
плывёт цвета хаки харон

и страшно от этих эклектик
и внутренний пьян валтасар
просрала последний билетик
ходи не ходи на вокзал

положены судьбы альденте
голодному веку на зуб
невидимый плащик надень ты
прикинься хотя бы что труп

хотелось же именовалось
озвучивалось да звалось
чего же ты плачешься аллес
спасенье в сакральном авось

ОН САМ ИЗ ТЕХ...

Он сам из тех, которые физтех
ни разу, и семестр в литературном,
наверно смог, когда бы взяли. Эх...
а рукопись горит прекрасно в урне.

Чудак, мудака, ещё раз — так и так.
Естественно, как пива пару банок.
Хреново жить и знать, что жизнь — верстак,
и, собственно, что время есть — рубанок.

«Он сам из тех, которые из всех»
ошибочное мнение — из редких.
Ему бы шанс, и выйдет новый Цвейг.
Сочувствия — но в мире оном предки.

В кармане джинс блокнот и карандаш,
и карта не пополненная «Стрелка».
Он средних лет, которые не дашь,
но может дать, по случаю, соседка.

И всё же он пройдёт, подвинув ряд,
в историю — наделает долгов — и
вновь облака зеркально повторяют,
знакомую дорогу на Голгофу.

НА ПЛАТФОРМЕ «СЕРП И МОЛОТ»

Я жду электричку на платформе «Серп и молот».
Над головою птички галдят и гадят.
Тёти и дяди, урны, ручные клады...
По сравнению с ними всеми я свеж и молод.
Периферия зрению ставит галку
на каждый зрачок — отмечено. Чёрный циркуль,
приклеенный к циферблату, шагом игл
приговорённое время сажает на кол.
Я, замечая это, лениво зевок глотаю.
Табачный туман напоминает сюжеты фильмов
всех сразу, и товарняк проезжает мимо.
Мне кажется в этот миг я один брутален.
Мне кажется, как завсегдатай в любимом баре,
я знаю каждого из стоящих, сидящих, ждущих,
курящих, пьющих, читающих, покупающих и жующих.
О том, что я ошибаюсь, мне намекает парень,
кладущий руку на ягодицу другого «красавца»...
и незаметно вытаскивающий айфон жестом ловким,
а потом они вместе смотрят фотки...
Мне кажется, я слишком часто стал ошибаться.

Через минуту подъедет та самая электричка.
Через два с половиной часа я буду дома.
Включу умирающий ноутбук, набросаю стишки, по любому.
Съем бутерброд, лягу спать, не проверив личку.

ДЕВОЧКА ИЗ НИЖНЕГО

Зачем ты уехала, девочка книжная,
обратным билетом до города Нижнего,
где мама гордится так умницей Машею,
и кормит на завтраки манною кашею?

А в городе нашем, названья не броского,
тебя не встречали цитаты из Бродского.
Восторгом старинным стиха неохватного
ты не задыхалась, как Белла Ахатовна.

По парку не шла, романтически-грустная,
в дожде, с головой непокрытою, русою.
И, с тонкой оправой, очки близорукие,
в кармане пальто не сжимала ты хрупкими

холодными тонкими пальцами чуткими.
В кофейне пустой не смеялась над шутками
Природы, судьбы, афоризма наддверного...
В дневник не вписала ни строчки, наверное.

Уехала, девочка. Что же ты, милая,
как будто мечты твои писаны вилами?
Поправь же очки свои на переносице.
Мария, смотри, век твой не переносится.

РЫБЫ

**долгие долгие зимы
мутные проруби дней
дворники черные мимы
резкие смены теней
серые здания шубы
улицы взятые в плен
был бы неузнанным Шуберт
там где не к месту Шопен
города поднятый ворот
пальцами каменных труб
прячутся псиные своры
в полуподвальный тулуп
встречные люди что рыбы
чувствуют Божью уду
ловкую ловкую ибо
небо есть прорубь в пруду**

УРОКИ ТРУДА

Выпив кризиса среднего возраста
полторашку за несколько лет,
психану — ну чего со мной возьмется
осень, ангел, и кореш-поэт?!

Я ль разглаживал шрамы и оспины?
Я ли заново ладил мосты?
Я ли руки заламывал: «Господи,
помоги, посоветуй, прости!»?

Мне ли истины винные вылились
левым боком и бабской слезой,
так что разом единым повывелись
блуд и пьянство, как высшее зло?

Мной ли долгие-долгие пройдены
вслед за Пушкиным десять шагов —
тех дистанций, которыми Родина
защищала себя от врагов?

Нет, друзья. Нет, поэт, собутыльник мой.
Нет, мой ангел и осень-сестра.
Неспроста перезрелая лирика
у меня обоюдоостра.

Так чего же вы плещете розжигом
на меня, то сюда, то туда.
Я давно уже понял о прожитом —
это были уроки труда...

ЧАСТО СНИТСЯ...

Часто снится: какой-то киношной,
сериальной как будто звездой
я бегу, молодой и промокший
под весенней гремящей водой.

Неуёмный, свободный, глазастый,
и наивный в стремленьи одном
на эскизах потёкших остаться
акварельным, хотя бы, пятном —

в этих улицах, вывесках встречных,
в этих ретроназваниях дворов,
там, где дворник всегда гуттаперчев —
виночерпий вечерних даров;

там, где окна открыты и лица,
где слова не предтеча словца,
и желанье учить и учиться —
в твёрдом рукопожатье отца;

где затёртая ручка дверная
до зеркального вида, там, где
прямо скажем, эпоха иная,
в потолочной своей высоте;

там, куда возвратишься притихший,
к этим улицам, лицам, двору,
к этим стенам — и вечным, и бывшим,
к этим хлябям небес поутру.

НОЖИ

Просмаковав, что начато на «жи»,
слюну густую сплёвываю, морщась.
И каждый день сравнение маржи.
Уже устал. Потихе бы, попроще.
А мой отец умел точить ножи;
не очень-то о вечности морочась.

У суеты рассудочный нажим
ломать хребты обычным суперменам.
Твержу себе: «Держи! Держи! Держи!»
Сизифов труд, казаться с виду смелым.
А мой отец любил точить ножи,
на час-другой оставшись после смены.

Всё тяжелей легко смотреть на жизнь;
ловить, искать, и льстить, и делать трюки...
Я вспоминаю часто, полон лжи
от бреда возвращения на круги,
как мой отец учил точить ножи,
как я не понял батиной науки...

МАЛЬЧИК С ФУТЛЯРОМ ОЛЬГЕ МИЩЕНКОВОЙ

**Мир крутится, вертится, гуглится,
и прячутся в «лайки» эмоции,
но... мальчик идёт по улице.
Мальчик будущий Моцарт.**

**Он тащит футляр, он топает,
засматриваясь на вывески.
Идёт, повторяя «Во поле...»;
высокие ноты и низкие.**

**И боженька солнечным зайчиком
целует в макушку мальчика.
Ах, чтобы оно ни значило —
точнее нет математики...**

**Я помню «...земля ещё вертится...»
и капли «датские». Даром ли?
Спрошу. Мне никто не ответит за...
но... мальчики ходят с футлярами.**

К. И.

*Строка уходит во дым вся,
а дело, видно, в том,
что мы, по-счастью, сходимся,
как раньше – на одном.
Когда тебе не пишется,
когда молчишь ты, злясь –
и мне не ровно дышится.
Тем крепче наша связь.
Хвосты каната, вросшие
В – твоё с моим – сердца,
Не противоположные,
А общие с конца.
Тяни – не вырвешь сердце мне.
Пиши – добавишь сил.
Тактуй двойными «герцами».*

Дойди до ноты «си»...

ИЗ РЯДА ВОН

Сколько радости, столько и горя.
Параллельно и поровну, но
как же скучно — равнины и горы,
как же правильно — ярко, темно.

Вот и кормишь крылатого пони.
Вот и выходы ищешь, пока
щиплешь травку овечкой в загоне;
кучерявые носишь бока.

Потому, словно тать — спозаранку
Или ночью — ломая канон,
провожаю строку-эмигрантку,
как из ряда ушедшую вон...

ТЕБЕ, МОЙ ДРУГ, ТЕБЕ...

Тебе, мой друг, тебе
ни зла, ни мглы, ни бед
желаю. Ты молчишь —
Серёга, Колька, Миш... —
«зашит», пропИт, убит?
Твой символ — 8 бит.
Ты буква в записной,
но всё ещё со мной...
Я помню твой ДР
в таком же октябре,
дай памяти, году
таком-то; стол, еду
по-скромному, пивцо
вдогонку, и лицо,
которое теперь
потёрто от потерь.
Откуда было знать
лет двадцать, двадцать пять
назад, что локоток —
и близок, и далёк.
Как были мы дружны,
друг другу не должны,
но в сцепке боевой,
как на передовой!
А нынче времена —
с самим собой война.
Не долг, а договор.
Не братство — стаи свор.
Ни лиц, и ни имён
у нынешних времён.

Себе враги почти,
а, стало быть, мы чьи?!
Серёга, не молчи,
и Колька, не молчи,
и Мишка, не молчи...

МОЯ СРЕДА

Парят над городом клубы
из восклицательной трубы.
Они всегда такого цвета,
ну, кровь с прокушенной губы.

А я по городу иду.
Моя среда вошла в среду,
когда до пятницы читаешь,
что написали на роду.

На перекрёстке фонари
стоят вопросами, смотри.
А у меня сегодня днюха,
и я отвечу: «Не ори!»

Когда, как хлеб напополам,
ты переломлен — это план.
Здесь нет случайности как будто,
но я сегодня буду в хлам.

Как раньше было хорошо!
Куда не знал куда-то шёл.
Ни восклицанья, ни вопроса,
и ни ответа за душой.

Клубы над городом парят.
Они давно уже не яд.
А я по городу, я пьяный,
счастливый, люди говорят.
17 января

ИТАКИ

На самом деле всё не так.
На самом деле — просто.
Среди покинутых Итак,
есть главный ждущий остров.

Там ждут, читая горизонт.
Там вспять идут сезоны.
У Пенелопы свой резон,
а впрочем — нет резона.

Да будет крепче вёсел взмах!
Да будет берег ближе!
Ты слышишь, плачет Телемах?
И я пока не слышу...

Синдбад, Улисс ли Одиссей,
морской ходьбой смиренный,
чем волны с волнами тесней,
тем громче зов сирены.

Чем дольше тянется твой путь,
тем тоньше, как ни мерь ты,
у амфор шеи. Не забудь —
всё просто, даже в смерти.

ЖИВУ...

Живу, пишу, держу, несу,
то сибаритом, то атлантом.
Растёт горбинка на носу
вторичным признаком таланта.
Рекой по городу, как Рейн.
Скворцом по крышам, словно Кушнер...
И к чьим следам сегодня крен,
и чем намерены быть разрушен?
Поберегись! Не береги!
Однообразно и двояко.
То брезжат Дантовы круги,
то путь ложится, как бумага.
Мне никогда не предсказать
внезапной склонности к смиренью.
Вот так кончается гроза
и начинается старенье...
Несу, держу, пишу, живу,
и грешный, и воцерковлённый,
и строк великих дежавю,
глядит мне в спину обречённо.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ

За спиной оставляя места,
равнодушные к исчезновению
твоему, переулком осенним
ты идёшь и считаешь до ста:
ста любых вариантов пути,
что не в Рим, а единственно — к моргу;
ста минут разобраться во многом,
ста секунд, чтоб решиться пойти.
И решимость та будет гадка,
и признание себе нестерпимым.
Вскрикнет ворон предчувствием мнимым,
предпоследним призывом гудка.
Словно в поезд садиться пора
где тоска обнимает за плечи,
и Малевич Малевич Малевич
за вагонным окном до утра...

спатьпораспатьпораспатьпора

ОТ ЖИЗНИ ДО ЖИЗНИ

Время тянет с утра канитель,
ювелирные тонкие нити,
заплетая «Авророй». Не те ль,
что в блокнотик запишет ценитель?

День вбирает цвета и слова:
синий, белый, и красный, и чёрный.
Выдаётся — кому пахлава,
а кому-то огузок перчёный.

Входит вечер, понятен и прост,
И стремятся молитвы к закату,
И оставленный кем-то вопрос,
повторится и станет проклятым.

С каждым канувшим в прошлое днём
солнце прячется ржавой монетой
в прорезь солнцеприёмника, но
ради равенства брутто и нетто.

Стяг цветастый, как светоч, держа,
ходит время от жизни до жизни.
Безупречен расклад чертежа,
не дающего сбой механизма.

Если мир этот выглядит сном,
пусть он будет цветным, то есть — вещим,
а иначе зачем это всё,
между Божьим и Человечьим.

НЕБО-ЗРАЧОК

Запрокидывая голову, чаще всего видишь небо.

Часто это фрагмент облака.

Как ты ни назови: клочок, кусочек чего-то, ватка...

Всмотришься — движется, расширяется, как зрачок.

Белое, белое... Цвета нет. Есть оттенки белого.

Синь, зелень, материал, вещество, существо...

Все всматриваются друг в друга. И кто у кого бельмом?

Невероятно. Всего лишь запрокинуть голову.

Или потянуться одёрнуть штору, и увидеть —

Небо. Ты внутри неба, внутри зрачка.

Тебя растягивает и сужает.

Говорят, наши умершие следят за нами...

Не удивительно, что слабеет зрение. У некоторых раньше срока.

Какая ирония — очки, как защита вместо лечения.

«Око за око» — мудрые-мудрые предки многое поняли...

Я вспоминаю моменты досады, или стыда, когда

прикрываешь глаза рукой и опускаешь голову,

обхватываешь руками голову. Нет, ты не в домике,

не в крепости, не в своей детской кровати накрывшийся

одеялом...

Есть только небо.

Чаще запрокидывай голову...

и не вздумай закрывать глаза.

КРЕСЛО

Кресло, на котором я в неудобной позе,
нога на ногу,
уничтожаю время, или оно меня,
всегда знает, когда правая начнёт затекать.
Наблюдательность у него в обшивке.
Не скажешь «в крови». Ещё, сочувствие —
светящийся экран с белым прямоугольником
посередине, без какого-либо добавления чёрного
за прошедшие несколько промежутков жизнеисчисления,
в первую очередь вредит зрению.
Кресло сентиментально — оно любит объятия — и ворчливо
до кряхтения.
Больше, ворчливо.
Старый друг.
Когда-нибудь я напишу ему оду. Оду креслу.
Монитор в режиме сна. Бесчувственный молодняк.
Может пора достать из чулана
стопку чистых общих тетрадей,
перевязанную бельевой верёвкой?
Надо вспомнить, как точить карандаш.
Интересно, если вытащить наружу пришедшую во сне строку,
не покалечится ли она врезавшись в иное измерение?..

...так выходи из дома. Запоминай детали.
Ты не один такой. Все мы сыны Дедала.
Выходи и взлетай. Не ожидай старта.
Ты не один такой. Все мы сыны Спарты.
Ничего не бойся. Пятница не четверг и
это не боссанова. В моде – тверкинг.
Выходи и смотри на выходящих из окон.
Ты не один такой. Вас – много.
Если ты уже вне, не заходи внутрь.
Зачем тебе вспоминать, как выглядит утварь
брошенная перед тем, как ты вышел из дома,
Тем более комната в нём принадлежит другому...

ГОСТИ

Неприятны нежданные гости ©
Вновь притопали Б, и Т, П.
Смотрят, смотрят с протянутой костью,
Будто всё это нужно тебе...

Ну, пожми им костяшки до хруста,
Проведи коридором за стол,
Посади на диванчик прокрустов,
Напои просто так, ни за что.

А чтоб не было тех разговоров,
По которым встречают гостей,
Распахни табакерные шторы,
Покажи им пейзаж погрустней...

Пусть насмотрятся добрые люди:
Безнадёга, Тоска и Печаль,
И тогда, может, скажут: «Не будем
Оставаться, пожалуй, на чай».

ОТПУСКНОЕ-ЗАПУСКНОЕ

Офис. День. Гляжу куда-то вдаль.
Лето там. Скажу ему: «Иди, не...»
На стене квартальный календарь.
У него окно посередине

для меня, я знаю, для меня.
Со второй на третью, бишь, неделю.
Если ждёшь — денёчки семят,
а когда... — летят к едрене-фене.

Офис. Лень. Входящий, не входи.
Не беси. Ты в шортах и футболке.
На компе король и две ладьи.
Кони сдохли. В лес их тащат волки.

БЫЛО, БУДЕТ...

О чём писать? О снах, о книгах,
О дне грядущем, дне былом,
О музах в маленьких туниках,
О музыке тончайших форм,
О море, буре, бригантине,
Разлуке, смерти, небесах,
Вине, войне, цене, гордыне,
Словах, слезах, грехах, весах,
О той, другой, невоплощённой,
Об этой, ставшей таковой,
О поле, пуле, небе чёрном,
Холме, заросшем муравой,
О зле, добре, о слое ила,
О жизни краткой словно слог?
Всё это было, было, было.
Всё это будет. Дай-то Бог.

ГУЛ

Сон, пробуждение, принятие пределов
Стен, комнаты, квадрата; перекрёстки,
Взгляд, зацепившийся за взгляд, не белый
Снег, вывих речи пастернако-бродский,
Не поддающийся лечению, обрывки
Фраз, впечатлений, символов, остатки
Дня, денег, ключница с брелоком-рыбкой,
Дом – здание, не знавшее усадки,
Дверь, геометрия стареющей прихожей...
Гул... всё это гул, растущий за спиной.
Я не спасаюсь. Разве можно? Был моложе –
Был безразличен к нарастающему вою,
И лист пустым, и удивлённым оставался
До оглушения... Так глупо, суетливо,
Сонм строк терял заложенную массу,
Что то, что оставалось, вряд ли жило.
Есть долгие пути предназначений:
Степь, море, центр мира, переулочек...
И если с ног сбивает ветер встречный,
То значит, он вернётся в спину гулом.

Я ЗАКРОЮ ЭТУ ЖИЗНЬ КАК ЧЕМОДАН

Я закрою эту жизнь, как чемодан,
и другую в дар приму, а не взамен.
Повторенье жизни лучше, чем одна
без какого-либо шанса на рефрен.
Будет снова пополняться мой багаж,
а поклажа становиться тяжелей.
Век дорог! — не протолкнуться от поклаж.
Дорог век, но о затратах не жалей.
Всё, что вложится, вернётся, больше став —
в этом правиле нет святости давно,
и от прописи банальностей устав,
я возьму и проживу, что мне дано.
Проживу при внуках, детях и жене,
ощущая иногда душевный зов
постоять в церковной громкой тишине,
и вернуться в мир, насытись до основ.
А когда меня обступит чернота,
чтобы свет был ярче виден вдалеке,
я оставлю эту жизнь, как чемодан
на перроне и отправлюсь налегке...

МОНОЛОГ СВЕЧИ

Я лежу и вытягиваюсь в деревянной коробочке. Я мягкотелого рода и племени, сёстры и братья. Я простая свеча. Говорят, что пророчливая. Да и как же иначе покорная буду сгорать я. Завтра рано придут и возьмут, понесут, подожгут или в сумке на вынос. Ай-яй, это грешное дело. Ну и жизнь у свечи! — моего умирания ждут поколения душ, а во мне — я же не пустотела — есть она? Замечательно держит осанку фитиль, пребывая в таком же незнание. Поистине — стержень. Эй, сестра дорогая, там, при Деве Святой, просвети, как нести благодать. Отвечает неведением тем же...

Завтра храм отопрут, и алтарник, крестясь и ворча, посчитает остаток, хватает ли в лавке товара, и добавит меня. Видит Бог, я простая свеча. Я готова сгореть. Я имею законное право.

ТРЕСНУВШИЙ КУПОЛ

Там, где заканчивается эпоха
не умирают, не чувствуют плохо
внезапно себя ни люди, ни звери;
не осеняют крестом, не пахнет серой.
Жизнь протекает струёй обычной.
Смерть остаётся уделом личным.
Тот же аврал на Московской Бирже,
падают цены с моста и крыши.
Да, просто жизнь. Ничего такого.
Много тупиц. Полно толковых.
Каждому путь да попутный ветер.
Каждому выбор — согласно смете.
Не идеально, но все привыкли.
Что за рефлексия: быть, не быть ли?!
То, что касается прочей драмы —
купите собаку, найдите даму...
Вот, как бы, вкратце. Общо и скупо.
Не истончился, но треснул купол,
и если к трещине встать поближе,
можно услышать, как вечность дышит.

ДОЖДИ ЕЛАБУГИ

Вы, идущие мимо меня
М. Цветаева

А стоит ли дальше, а нужно ли
искать этой жизни резон?
Уходит дорога зауженно,
спускается за горизонт.

Эй, ворон, чего начертил ещё?!
В ночи не видать ни черта!
За мной, мои сёстры, в чистилище, —
гордыня, тщета, нищета!

Не первая и не последняя,
меня простор на постой,
в закатный придел поселения
вхожу прихожанкой простой.

А если в землю ложиться мне,
то так, чтоб «ищи-не ищи».
Покроет Россию божницами
души переломленный щит.

Не выла в бреду и не плакала,
бродя меж берёз и осин.
Прольются дожди над Елабугой,
слезами пойдут по Руси,

и вымоют долгими ливнями,
и вымолят сотни Марин,

пока будут ждать терпеливые,
бумажные «церкви» мои.

К ГОДОВЩИНЕ

Так начинают. Года в два...

Б. Пастернак

О это лето — влёт, по-жеребьячи —
когда впервые от восторга слёт,
в грудном бреду, в беспамятстве, рыбача
у вечных вод, выуживая слог,
нет, не забыть. Печатью узнаванье.
Широким шрамом, меткой на груди
предназначенье, знаково, заранее:
о кляксах зим, о святках, но гуди!
Гуди смешливым гулом непонятым,
пророчь и жди высокую болезнь.
А где-то там окно Марины свято.
Светло окно одно, а где-то здесь
всему есть звук: надломленная ветка,
алтарь, псалтирь, фрамуга, граммофон,

ночной Берлин, туман, походка века,

два башмачка, свеча, Живаго, фронт...

Сад Переделкино удушливо-ухожен.

Весна грядёт, но воздух не в соку.

В грудном бреду, всполошно, хромоножно

упасть, припасть к дверному косяку.

«Когда бы знал...» В загоне лошадином

высок забор, но видно сквозь него —

непостижимое всегда непощадимо

и не ново...

ОЗИМЫЕ

К пустой земле невольно припадая...
О. Мандельштам

1

Из глубины, так давящей на плечи
Невозмутимо и невыносимо,
Переболев, совсем по-человечьи,
Идёт на звук, наверх ползёт озимый.
Пока ему не мать сыра земля,
И стебелёк не должен корневищу –
Свобода там, где высоко и чище,
Где нет возврата к глубине и глине.
Растёт росток, безудержно змеится.
Когда сгниёт забытая зерница,
Ему на плечи ляжет первый иней.

2

Теперь учиться жить, держась за воздух.
Ветра умеют и ласкать, и ранить.
Внушать свободу свойственно тирану,
За жизнь и смерть – одни – вручая звёзды.
Ценна возможность в каждом индивиде,
Существовать, не думая о плате
За существо и в этом постулате
Есть часть того, что ценится в свободе.
Так почему ж не попытаться, выйдя
Из глубины, скрепить священной нитью
И чернозём, и двери небосвода.

ОДНАЖДЫ Я ЗАМЕЧУ...

Однажды я замечу... и смолчу,
а этого никто и не заметит.
Вот времени, как земскому врачу,
отметину оставить на предмете
дозволено; вот клавише запасть
достаточно, и ждать аплодисменты;
вот критику — он держится за власть —
привычно обесценивать бессмертных...
Закрашенная вывеска «Табак»,
и дверь под ней, не ведала такого
успеха. Бомж подкармливал собак
два года, а сегодня это ковен.
На здании афиша «Пётр Ильич...»
по-сказочному манит пятилеток.
«Ой, Дедушка Мороз!» — кричат они.
Прозреньё начинается с балета...

Да, всё вокруг заметно. Говорить
об этом не захочется однажды.
«Уранию» открою, словно Рим,
прислушиваясь к шорохам бумажным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Город февраля	3
Февраль. Днём	10
Глушь	11
приготовишь чернила плакать...	12
Зимние сны	13
Зимнее окно	14
Это кто-то говорил	15
В сквере	16
До весны рукой подать...	17
Первая декада	18
Весна по-прежнему легка	19
Завтра	20
Апрель в городке	21
Жданная	23
Рождение... ..	24
Просто новый июнь	25
Утро	27
По Вавилону	28
Человек на лавке в парке	29
Сосед	30
Сутки дождь	31
Бьют часы	32
всё именно так как хотелось	33
Он сам из тех... ..	34
На платформе «Серп и Молот»	35
Девочка из Нижнего	36
Рыбы	37
Уроки труда	38
Часто снится... ..	39
Ножи	40
Мальчик с футляром Ольге Мищенко	41
К. И.	42
Из ряда вон	44

Тебе, мой друг, тебе...	45
Моя среда	47
Итаки	48
Живу...	49
Экзистенциальное	50
От жизни до жизни	51
Небо-зрачок	52
Кресло	53
Гости	55
Отпускное-запускное	56
было, будет...	57
Гул	58
Я закрою эту жизнь как чемодан	59
Монолог свечи	60
Треснувший купол	61
Дожди Елабуги	62
К годовщине	64
Озимые	66
Однажды я замечу...	67

Роман Смирнов

В городе
Стихи

Роман Смирнов. Родился в 1979 г. в городе Электросталь.

Поэт.

Участник многих поэтических конкурсов. Шорт-лист конкурса «Стихи по-русски», 2017; лонг-лист премии «MyPrize» (орг. Д. Курская), 2018.

Публикация в альманахе поэзии издательства «Образ», 2018; публикация в журнале Homo Legens №3–4/2018.

О чём может быть книга стихов с таким названием? О том, что известно и близко каждому. О человеке современном. О нас. Сейчас. Надеюсь мне удалось донести всё, что задумывалось, пусть и не всегда ожидаемым и привычным языком, всё-таки это стихи, а не проза. Приятного узнавания.

Я.

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!